

но на установление подозреваемых (обвиняемых); помогает сузить круг поисков, установить источник происхождения поддельных денежных знаков или ценных бумаг.

Работа следователя по подготовке и назначению судебных экспертиз не должна ограничиваться составлением и направлением постановления и объектов исследования. С целью получения более полных, всесторонних ответов на поставленные вопросы следователю необходимо поддерживать постоянный контакт с экс-

пертом. А в случае получения в ходе досудебного следствия дополнительных материалов, которые имеют отношение к проводимой судебной экспертизе, незамедлительно представлять их эксперту⁸.

⁸ Как известно, судебные экспертизы могут производиться как в государственном экспертном учреждении (в настоящее время находятся в подчинении следующих министерств и ведомств России: МВД, Минздрава, Минюста, Минобороны, МЧС, ФСКН, ФСБ, ФТС, СК), так и вне его — лицом, обладающим специальными знаниями.

Соотношение результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу: возможные варианты решения проблемы

Росинский Сергей Борисович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
ученый секретарь УМО по юридическому образованию вузов РФ,
кандидат юридических наук
123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

В настоящей статье автор продолжает рассматривать существующую в современной теории и практике уголовного процесса проблему соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий (осмотра, обыска, выемки и т.д.) с различными видами показаний как результатами вербальных следственных и судебных действий.

Приняв за основу вариант решения данной проблемы, заключающийся в возможности разумного наполнения отдельными вербальными элементами любого невербального следственного действия и наоборот, он пытается наметить критерии такой разумности.

В статье представлен условный вариант разделения следственных и судебных действий на вербальные и невербальные. При этом особое внимание автор уделяет сочетанию вербальных и невербальных элементов в предъявлении для опознания и проверке показаний на месте.

Ключевые слова: доказательство; виды доказательств; результаты невербальных следственных и судебных действий; показания; предъявление для опознания; проверка показаний на месте.

Rossinskij S.B. Correlation of results of non-verbal investigatory and judicial actions with objective evidence on a criminal case: possible variants of solution of the problem

The author of the present article continues to consider the problem which exists in contemporary theory and practice of criminal procedure and is related to correlation of results of non-verbal investigatory and judicial actions (examination, search, seizure and etc.) with various types of objective evidence as results of verbal investigatory and judicial actions.

On taking as a basis of a solution of this problem which is in the possibility of reasonable filing with separate verbal elements of any non-verbal investigatory action and vice versa, the author tries to set the criteria of such reasonability.

The article presents a conditional variant of division of investigatory and judicial actions into verbal and non-verbal. At that the special attention is drawn to combination of verbal and non-verbal elements in submission for identification and on-site checking of objective evidence.

Key words: evidence, types of evidence, results of non-verbal investigatory and judicial actions, evidence, submission for identification, on-site checking of objective evidence.

В своей предыдущей работе, посвященной соотношению двух самостоятельных видов уголовно-процессуальных доказательств — результатов невербальных следственных и судебных действий¹ и показа-

¹ В этой связи позволим себе напомнить, что под результатами невербальных следственных и судебных действий

мы понимаем вид доказательств, предусмотренный ст. 83 УПК РФ, которые легально (на законодательном уровне) позиционируются как протоколы следственных действий и судебного заседания. Это сведения, полученные дознавателем, следователем или судом в ходе следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента, а также других следственных и судебных действий,

ний² нами была поднята одна практическая проблема. Ее суть заключается в том, что в реальности деление следственных и судебных действий на вербальные и невербальные носит весьма и весьма условный характер. Так, зачастую некоторые невербальные следственные действия (осмотр, обыск, выемка) сопровождаются соответствующими пояснениями и комментариями, носящими явно вербальный характер. Равно как и, наоборот, в ходе проведения допроса или очной ставки могут быть представлены для приобщения к материалам уголовного дела соответствующие предметы или документы.

В этой связи мы обозначили три варианта решения данной проблемы. Первый из них (который можно назвать пассивным) заключается в том, что подходы к соотношению результатов вербальных (показаний) и невербальных следственных и судебных действий, а отсюда — и соответствующая правоприменительная практика, должны сохраниться в том виде, в котором они существуют в настоящее время. Второй вариант (догматичный) выражен в жестком, императивном разделении всех следственных и судебных действий на две антагонистичные группы: вербальные и невербальные, как это предлагалось в качестве теоретической модели выше по тексту.

При этом наиболее рациональным и заслуживающим внимания мы посчитали именно третий вариант, заключающийся в разумной возможности наполнения отдельными вербальными элементами любого невербального следственного действия и наоборот с последующим приданием всем полученным таким образом результатам доказательственного значения.

Иными словами, мы считаем, что при производстве следственного осмотра, обыска, выемки, освидетельствования и любого другого невербального действия дознаватель, следователь, суд должны иметь право на получение от присутствующих участников определенных устных сведений с последующим их признанием полноценными показаниями. Равно как и при проведении допроса или, например, очной ставки, должна быть предусмотрена возможность фиксации каких-либо сведений невербального характера. При этом становится вполне очевидным, что подобные процессуальные механизмы допустимы лишь при условии гармоничного сочетания требований процессуальной формы, предъявляемых к соответствующим следственным или судебным действиям.

Так, каждое следственное и судебное действие, исходя из своей сущности и стоящих перед ним задач, производится по определенным процессуальным

правилам. Если же в рамках следственного действия в качестве частного фрагмента требуется выполнить какие-либо иные, несвойственные для него поисково-познавательные операции, то, на наш взгляд, для них должны использоваться уже другие процедурные правила — те, которые предусмотрены для соответствующих следственных или судебных действий.

Рассмотрим это на конкретном примере. Допустим, что в ходе проведения обыска или выемки следователь столкнулся с необходимостью получения каких-то устных сведений от присутствующего там лица, которые в дальнейшем он предполагает использовать в качестве полноценных показаний. В этом случае, не прерывая обыска или выемки, он должен выполнить ряд формальных требований, предусмотренных для проведения допроса: разъяснить лицу его права, обязанности, предупредить об ответственности. А сами сведения надлежит получать и фиксировать в протоколе с учетом требований ст. 189–190 УПК РФ. Представляется, что лишь при соблюдении указанных процессуальных условий полученные в ходе невербального следственного или судебного действия устные сведения можно впоследствии расценить как допустимые показания. Аналогичным образом надлежит поступать и в противоположных ситуациях, связанных с необходимостью получения отдельных невербальных сведений в ходе допроса или очной ставки.

Представляется, что рассмотренный компромиссный подход к сочетанию вербальных и невербальных следственных и судебных действий позволит более эффективно и рационально осуществлять поисково-познавательную деятельность, не выходя за рамки процессуальной формы, в частности, не нарушая установленных законом гарантий прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, грань между вербальными и невербальными следственными и судебными действиями нам видится очень условной, не подлежащей формальному закреплению на законодательном уровне. Кстати, с подобным подходом весьма гармонично сочетается современная законодательная трактовка, предусмотренная ст. 83 УПК РФ, которая не содержит определенно-го перечня следственных и судебных действий.

Предложенный вариант переплетения элементов различных следственных и судебных действий не следует рассматривать как абсолютно идеальный инструмент. Очевидно, что он имеет и целый ряд недостатков. Причем в качестве одного из них мы рассматриваем опасность полного размывания граней между существующими в настоящее время следственными действиями. Как справедливо отмечает С.А. Шейфер, комплекс предусмотренных законом следственных действий рассматривается не как случайное и неорганизованное множество, а как системное образование, в котором каждое следственное действие выступает элементом системы³. На данное обстоятельство также обраща-

связанных с невербальными способами получения значимой для уголовного дела информации, которые отражены в соответствующем протоколе в порядке, предусмотренном УПК РФ.

² Под показаниями в самом общем виде, на наш взгляд, следует понимать результаты допроса, а также иных вербальных процессуальных действий, заключающихся в беседе, в разговорном общении между судом, дознавателем, следователем с одной стороны и соответствующими участниками уголовно-процессуальной деятельности — с другой.

³ Шейфер С.А. Следственные действия : основания, процессуал. порядок и доказател. значение. М. : Юрлитинформ, 2004. С. 35.

ют внимание и многие другие ученые⁴. При этом предусмотренный в уголовно-процессуальном законе «набор» следственных действий не случаен, поскольку каждое из них, представляя собой специфическое сочетание определенных методов познания, имеет строго определенный предмет приложения и может оптимально решить не все, а лишь конкретные познавательные задачи⁵. А тот же С.А. Шейфер отмечает, что каждое следственное действие как элемент системы имеет множество индивидуальных особенностей⁶. К сожалению, в специальной литературе практически не освещаются аналогичные вопросы касательно судебных действий. Однако представляется, что в силу близости этих двух категорий все высказанные суждения о систематизации следственных действий в определенной степени применимы к действиям судебным.

Таким образом, существующая в настоящее время система следственных и судебных действий хорошо налажена, отработана и апробирована многолетней практикой. При этом каждый из ее элементов, хотя и взаимосвязан с остальными, тем не менее, занимает строго определенное место; роль каждого следственного или судебного действия в общем механизме процессуального познания индивидуальна.

В этой связи допускаемая нами возможность заимствования отдельных фрагментов вербальных следственных и судебных действий невербальными и наоборот может нанести существенный вред сложившейся системе, подвергнуть ее разрушению, размыть грани между ее отдельными элементами. Существующие следственные и судебные действия могут потерять свою индивидуальность. А это в конце концов приведет к практике полной подмены одних действий другими (например, сложных более простыми), что, безусловно, нанесет непоправимый вред всему механизму уголовного судопроизводства в целом и его отдельным институтам в частности. В этой связи С.А. Шейфер отмечает, что проведение ненадлежащего следственного действия приносит тройной вред: делается ненужная работа; существенно затрудняется или утрачивается полностью возможность получить и закрепить необходимые фактические данные; необоснованно стесняются права граждан⁷.

Однако представляется, что подобные негативные последствия вполне предотвратимы. Их можно избежать посредством использования разработанных нами критериев допустимости заимствования фрагментов

одних следственных и судебных действий другими. В качестве таковых критериев мы предлагаем следующие:

1. Критерий второстепенности. Под ним следует понимать такой механизм имплантации фрагментов вербальных следственных и судебных действий в невербальные и наоборот, при котором сведения, включенные в эти фрагменты, должны предположительно занимать второстепенное значение по отношению к содержанию всего следственного и судебного действия. Иными словами, подобное заимствование должно носить частный характер, оно не может поглощать собственно предмета следственного или судебного действия. Например, сделанное в ходе освидетельствования заявление не должно отодвигать на задний план собственные результаты обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений. Факт представления в ходе допроса предметов или документов не должен являться главенствующим по сравнению с полученными показаниями и т.д.

2. Критерий производности. Он означает, что сведения, содержащиеся в заимствованных фрагментах, не могут быть получены сами по себе, в отрыве от проводимого следственного или судебного действия. То есть они должны быть связаны с проводимым следственным или судебным действием, зависими от его результатов. В качестве примера вспомним ранее рассмотренную нами ситуацию с личным обыском задержанного, который сделал устное заявление о том, что обнаруженный пистолет был ему подброшен. В этой связи позволим себе предположить, что если бы личный обыск не проводился и пистолет обнаружен не был, то задержанный вряд ли вообще стал бы говорить о чем-то подобном.

3. Критерий рациональности. Так, представляется, что в рамках проведения невербальных следственных и судебных действий допустимо использование вербальных фрагментов и наоборот лишь в том случае, если это обусловлено самими обстоятельствами уголовного дела, сложившейся на данный момент следственной или судебной ситуацией⁸. Использование такой практики без особой надобности и тем более злоупотребление предоставленными в этой связи возможностями считаем недопустимым.

Подводя небольшой итог всему вышесказанному, следует отметить, что грань между вербальными и невербальными следственными и судебными действиями, хотя и является достаточно условной, не подлежит формальному закреплению, тем не менее она очевидна! Деление всех существующих в настоящее время следственных и судебных действий на вербальные и невербальные следует проводить в зависимости от того, ка-

⁴ См., например: Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий : учеб. пособие. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1977. С. 15–16 ; Казинян Г.С., Соловьев А.Б. Проблемы эффективности следственных действий. Ереван : Ереван. гос. ун-т, 1987. С. 31 ; Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве : (общ. положения теории и практики). Екатеринбург : УрГЮА, 2006. С. 26–27 и т.д.

⁵ Казинян Г.С., Соловьев А.Б. Указ. соч. С. 30.

⁶ Шейфер С.А. Следственные действия : система и процессуал. форма. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 55.

⁷ Шейфер С.А. Следственные действия : основания, процессуал. порядок и доказательств. значение. С. 44.

⁸ Под следственной ситуацией в литературе традиционно понимается совокупность условий, сложившихся в определенный момент расследования по уголовному делу. Подробнее об этом см.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. М. : Юрист, 1997 ; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск : СЮИ, 1987. Термин «судебная ситуация» в литературе не рассматривается; мы будем использовать его по аналогии, понимая под ним совокупность условий, сложившихся в определенный момент судебного следствия по уголовному делу.

кой способ познания в них доминирует, а какой является заимствованным, второстепенным.

Таким образом, к невербальным следственным и судебным действиям с полной уверенностью можно отнести: следственный или судебный осмотр (ст. 176–178, 284 и 287 УПК РФ); следственное и судебное освидетельствование (ст. 179 и 290 УПК РФ); обыск (ст. 182 УПК РФ); выемку (ст. 183 УПК РФ); следственный и судебный эксперимент (ст. 181 и 288 УПК РФ). К ним же относятся такие специфические действия, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) и получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186-1 УПК РФ). Представляется, что к невербальным судебным действиям, помимо перечисленных, также следует отнести и оглашение протоколов следственных действий и иных документов (ст. 285 УПК РФ), хотя сущность данного процессуального мероприятия носит весьма спорный характер и требует отдельной проработки.

В свою очередь, к вербальным следственным действиям относятся допрос (ст. 187–191, 205, 275, 277–280 и 282 УПК РФ), а также очная ставка (ст. 192 УПК РФ). Сюда, очевидно, также следует отнести и оглашение показаний обвиняемого, свидетеля или потерпевшего (ст. 276, 281 УПК РФ) — по аналогии с оглашением протоколов следственных действий и иных документов.

Наиболее сложным и дискуссионным нам представляется характер двух до сих пор специально оставляемых нами без должного внимания действий: предъявления для опознания (ст. 193, 289 УПК РФ) и проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Сложность этих поисково-познавательных процедур заключается в том, что элементы вербального и невербального характера сочетаются в них примерно в равной степени, что явно препятствует их отнесению к какому-то определенному виду. Остановимся на каждом из них подробнее.

Предъявление для опознания — это следственное или судебное действие, заключающееся в отождествлении конкретного объекта по мысленному образу, запечатленному в сознании опознающего лица. Его сущность заключается в том, что дознаватель, следователь или суд предъявляют опознающему (потерпевшему, свидетелю, подозреваемому, обвиняемому) какой-либо опознаваемый объект (в т.ч. другое лицо или труп) для того, чтобы установить, узнает ли он этот объект как наблюдаемый ранее, в связи с расследуемым событием, или нет⁹. Причем весь процесс восприятия опознаваемым лицом опознающего объекта, а также его результаты находятся под непосредственным наблюдени-

ем соответственно дознавателя, следователя или суда. Дознаватель, следователь или суд лично воспринимают факт опознания (или неопознания), а также связанные с этим обстоятельства. Таковыми, в частности, могут быть условия проведения опознания, внешний вид и иные признаки опознаваемых объектов, степень индивидуальности опознаваемого объекта, т.е. его выделяемость из числа других, предъявляемых вместе с ним однородных объектов и т.д. Это могут быть элементы поведения опознаваемого лица — т.н. улики поведения, которые во многих случаях имеют существенное доказательственное значение для уголовного дела¹⁰. Это могут быть и особенности поведения опознающего субъекта, например, как именно он узнал предъявленный ему объект: сразу без колебаний или после долгих раздумий и сомнений.

Таким образом, в ходе предъявления для опознания широко используются невербальные способы получения доказательственной информации, в первую очередь, — наблюдение. И в этой связи данное следственное действие сродни осмотру, обыску, выемке и другим невербальным механизмам получения доказательственной информации в уголовном судопроизводстве. Очевидно, именно поэтому ст. 87 УПК РСФСР, а вслед за ней и многие ученые-процессуалисты относили результаты предъявления для опознания не к показаниям, а именно к протоколам следственных и судебных действий. Этот же вариант до сих пор используется в некоторых действующих Уголовно-процессуальных кодексах бывших союзных республик, например, ст. 122 УПК Казахстана, ст. 99 УПК Республики Беларусь.

Вместе с тем представляется, что подобный подход является односторонним; он не раскрывает всего сложного и многогранного характера предъявления для опознания. Так, согласно установленной законом процедуре предъявления для опознания и устоявшимся тактическим рекомендациям по его проведению, опознающий субъект не просто воспринимает предъявляемые ему объекты и указывает («тыкает пальцем») на опознанный объект. Часть 7 ст. 193 УПК РФ прямо говорит, что если опознающий указал на одно из предъявленных ему лиц или один из предметов, то ему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он опознал данные лицо или предмет. Наряду с этим ученые-криминалисты предлагают задавать опознающему лицу дополнительные вопросы. Например, в случае положительных результатов опознания следователю надлежит узнать у него о наличии и характере внешних изменений у опознаваемого объекта. При отрицательных результатах опознания целесообразно осведомиться о том, что послужило причиной такого «неузнавания»: недостаточно хорошо запомненный мысленный образ или четкая уверенность в отсутствии нужного объекта среди предъявленных¹¹. Таким образом, предъявление для опознания просто изобилует сведениями вербальной природы, которые делают данное следствен-

⁹ Более подробно о сущности предъявления для опознания см., например: Кочаров Г.И. Опознание на предварительном следствии. М.: Госюриздат, 1955. С. 4; Бурданова В.С., Быховский И.Е. Предъявление для опознания на предварительном следствии. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1975. С. 3; Гинзбург А.Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. Алматы [Алма-Ата]: Алмат. ВШ МВД Респ. Казахстан, 1995. С. 8 и т.д.

¹⁰ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 223.

¹¹ Гинзбург А.Я. Указ. соч. С. 28–29.

ное действие родственным допросу или очной ставке. В этой связи В.М. Петренко прямо отмечал, что предъявление для опознания имеет некоторое сходство с допросом или очной ставкой. Оно состоит прежде всего в том, что как при предъявлении для опознания, так и при допросе или при очной ставке даются показания, которые могут исходить от одних и тех же участников процесса — обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля¹². На вербальный характер предъявления для опознания указывал и Г.И. Кочаров¹³. Эта же позиция в настоящее время прослеживается и в работах С.А. Шейфера¹⁴.

Приведенные нами аргументы косвенно подтверждаются еще целым рядом обстоятельств. Так, например, законодатель помещает ст. 193 УПК РФ, регламентирующую предъявление для опознания, в общую главу именно с допросом и очной ставкой, а не с осмотром, обыском или следственным экспериментом.

Далее. Процедура предъявления для опознания каких-либо объектов свидетелю или потерпевшему традиционно сопровождается их предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 и 308 УК РФ. Кстати, ст. 165 ранее действовавшего УПК РСФСР предусматривала подобную обязанность специально для данного следственного действия. Нынешний закон напрямую такого императива не содержит, ограничиваясь лишь более общей нормой, содержащейся в ч. 5 ст. 164 УПК РФ.

Таким образом, предъявление для опознания обладает комплексным гносеологическим характером. В рамках этого следственного действия сочетаются и достаточно тесно переплетаются вербальные и невербальные методы познания. И следовательно, результаты его проведения также обладают двойственной природой. Это могут быть показания, родственные тем, что формируются посредством допроса или очной ставки, но тем не менее, обладающие некоторой спецификой. Представляется, что такая специфика в первую очередь обусловлена узконаправленным предметом этих показаний: они могут касаться не любых обстоятельств уголовного дела, а лишь тех, которые как-то связаны с фактом опознания.

Но в равной степени это могут быть и результаты невербальных способов познания, соответственно подпадающие под смысл ст. 83 УПК РФ. И в этой части результаты предъявления для опознания сродни сведениям, полученным в ходе производства осмотра, обыска, выемки или других невербальных следственных или судебных действий.

Проверка показаний на месте — это следственное действие, направленное на сопоставление полученных ранее показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего с реальной обстановкой

в каком-либо месте, имеющем отношение к обстоятельствам уголовного дела. Его сущность заключается в том, что ранее допрошенное лицо указывает конкретное место и находящиеся там объекты, одновременно описывая произошедшее в этом месте событие, демонстрируя отдельные действия. В ходе проверки показаний на месте может быть исследована фактическая обстановка указанного места, могут быть обнаружены и изъяты новые следы преступления или иные объекты, имеющие значение для уголовного дела¹⁵.

Поэтому проверка показаний на месте во многом базируется на невербальных способах получения доказательственной информации. В ходе производства данного следственного действия дознаватель или следователь лично визуальным восприятием указанное место и находящиеся там объекты, их признаки, свойства, состояние и взаиморасположение. Они же лично наблюдают за поведением проверяемого лица, за объектами, на которые оно указывает, за демонстрацией их отдельных действий и т.д. И в этой связи проверка показаний на месте является родственной другим невербальным следственным действиям, в первую очередь следственному осмотру.

Вместе с тем вполне очевидна и вербальная составляющая проверки показаний на месте, поскольку все демонстрационные действия свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого сопровождаются их соответствующими устными пояснениями. Согласно ч. 4 ст. 194 УПК РФ, такие пояснения могут быть даны посредством свободного рассказа и ответов на задаваемые вопросы. На вербальный характер проверки показаний на месте указывает и тот факт, что проверяемые свидетели и потерпевшие перед началом ее производства должны предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 и 308 УК РФ¹⁶. О вербальности проверки показаний на месте свидетельствует и то обстоятельство, что законодатель, так же как и в случае с предъявлением для опознания, помещает ст. 194 УПК РФ в одну главу с допросом и очной ставкой.

Поэтому, как совершенно справедливо отмечает в литературе, проверка показаний на месте имеет сложную познавательную структуру. Она сочетает в себе приемы получения вербальной (выраженной в слове) информации, а также информации, выраженной в физических признаках, т.е. в признаках местности, и сопоставление первой со второй. Иными словами, в проверке показаний на месте следователь сочетает операции расспроса, свойственные допросу, и

¹² Петренко В.М. Предъявление для опознания. М.: ВНИИ МВД СССР, 1975. С. 7.

¹³ Кочаров Г.И. Указ. соч. С. 26.

¹⁴ Шейфер С.А. Следственные действия: основания, процессуал. порядок и доказательств. значение. С. 110.

¹⁵ Более подробно о сущности проверки показаний на месте см., например: Васильев А.Н., Степичев С.С. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений / отв. ред. С.А. Голунский. М.: Госюриздат, 1959. С. 12–16; Соя-Серко Л.А. Проверка показаний на месте. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1966. С. 3–6; Быховский И.Е., Корниенко Н.А. Проверка показаний на месте: учеб. пособие. Л.: ин-т усовершенствования следств. работников, 1988. С. 10–15.

¹⁶ Гладышева О.В., Семенов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть, досудебное производство: курс лекций. Краснодар: КубГУ, 2011. С. 287.

наблюдения, свойственные осмотру, причем полученные данные сравнивает между собой для выявления соответствия или несоответствия показаний и признаков местности¹⁷. Сам смысл сочетания рассказа с показом заключается в объективизации критериев достоверности показаний¹⁸.

Таким образом, проверка показаний на месте, так же как и предъявление для опознания, — это следственное действие комплексного гносеологического характера. Оно тоже предполагает сочетание и достаточно тесное переплетение вербальных и невербальных методов познания — в первую очередь, допроса и осмотра. И следовательно, результаты его проведения также обладают двойственной природой. Во-первых, — это сами показания. А во-вторых, в равной с показаниями мере, это могут быть результаты невербальных способов познания, в частности, факты непосредственного наблюдения окружающей обстановки, поведения лиц, обнаружения каких-либо значимых объектов и т.д., которые, бесспорно, подпадают под смысл ст. 83 УПК РФ.

Рассмотренный двойственный характер как предъявления для опознания, так и проверки показаний на месте, бесспорно, должен быть отражен в процессуальном порядке производства этих действий. Вместе

с тем анализ соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства показывает, что это лишь подразумевается по смыслу закона, но формально в тексте УПК РФ не закреплено. Поэтому считаем необходимым легально распространить на предъявление для опознания и проверку показаний на месте положения ст. 187–189 и 191 УПК РФ — в части получения показаний, и положения ст. 177 УПК РФ — в части получения невербальной информации.

А результаты предъявления для опознания и проверки показаний на месте следует одновременно расценивать и как показания, и как результаты невербальных следственных и судебных действий. В этой связи заметим, что мы прекрасно понимаем практические трудности, которые могут возникнуть при подобном двойственном подходе к сущности предъявления для опознания и проверки показаний на месте. Многие дознаватели, следователи или судьи, к великому сожалению, привыкшие работать шаблонно, могут просто запутаться в той части, как им позиционировать эти результаты в своих приговорах, обвинительных заключениях и других процессуальных актах: как показания или как документы. Эта проблема действительно может возникнуть. Но, по нашему мнению, она носит исключительно технический характер; думается, что практика сама должна найти способы ее локализации. Вместе с тем двойственный характер результатов предъявления для опознания или проверки показаний на месте — это более важный сущностный аргумент, нежели чем возможные технические сложности. Думается, что его никоим образом нельзя оставить без внимания при проверке, оценке и использовании данных доказательств по уголовному делу.

¹⁷ Шейфер С.А. Следственные действия : основания, процессуал. порядок и доказательств. значение. С. 128–129. Об этом же см.: Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву : учеб. пособие / А.К. Гаврилов, С.П. Ефимичев, В.А. Михайлов, П.М. Туленков ; под ред. С.В. Мурашова. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1975. С. 105.

¹⁸ Криминалистика : учеб. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М. : Норма : Инфра-М, 2010. С. 600.

Особенности криминалистической характеристики экономических преступлений, совершенных в сфере строительства

Сараев Павел Николаевич,
аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
saraev08@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы расследования экономических преступлений, совершенных в сфере строительства. В качестве одного из средств, способного повысить эффективность расследования, называется криминалистическая характеристика данного вида преступлений. При этом обращается особое внимание на то, что эффективность расследования зависит от знания особенностей этой криминалистической характеристики. К таким особенностям автор относит ее специфическую структурированность, которая позволяет следователю так организовать расследование, что это обеспечит установление истины по делу.

Ключевые слова: расследование, криминалистическая характеристика, механизм совершения преступления, экономические преступления в сфере строительства.

Saraev P.N. Features forensic characteristics of the economic crimes committed in construction

The problems of investigating economic crimes in the construction industry. As one of the tools that can improve the effectiveness of the investigation, said forensic characterization of this type of crime. In doing so, special attention is paid to the fact